

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. **НОВЫЙ** III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ. **САТИРИКОН**

№ 27

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1945

2 ЮЛЯ.

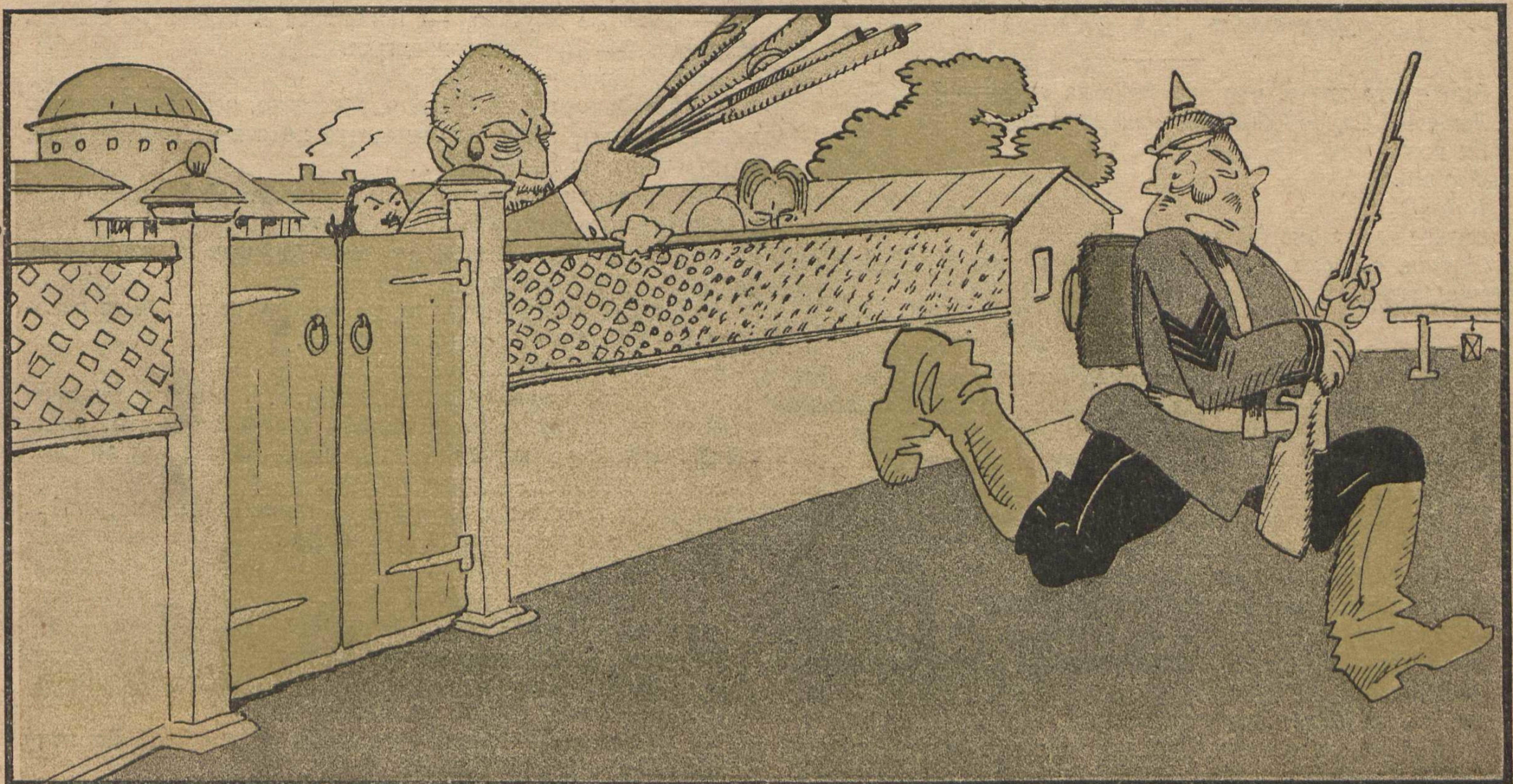
ПАЛКА О ДВУХЪ КОНЦАХЪ.

Рис. Ре-ми.

Въ началѣ августа соберется Государственная Дума. *(Изъ газетъ.)*

— ... Вотъ дѣти, — сказалъ отецъ, — каждый прутикъ въ отдѣльности легко переломить,

... а попробуй — переломи-ка вѣникъ!

(Изъ стараго разсказа.)

Рис. Миссъ.

БЛАГОРОДНАЯ КРОВЬ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Вы хотите знать, что это было за существо?
Лошадь. Самая обыкновенная лошадь.
Ея полъ?
Меринъ.
Цвѣтъ?
Сиваго цвѣта она была.
Однимъ словомъ, это была любимая лошадь Вильгельма Гогенцоллерна.

* * *

Когда я впервые наткнулся на нее, она уже умирала. Вся кожа на спинѣ и на бокахъ то ходила большими, странными волнами, то сотрясалась мелкой дрожью, а глазъ — выпуклый и добрый — былъ уже покрытъ холоднымъ голубоватымъ туманомъ смерти...

И галиційское поле, изрытое тысячами ногъ, пыльное, непривѣтливое, было ея предсмертнымъ ложемъ.

— Умираешь? — тихо спросилъ я.

Ея бока раздулись и снова тяжело опали.

— Умираю, такъ точно, — отвѣтила она, какъ отвѣтила бы на ея мѣстѣ всякая дисциплинированная нѣмецкая лошадь.

— Ранена?

Она съ трудомъ пожала плечами.

— Съ ума ты сошелъ, что ли? Какъ я могу быть ранена, если я носила на себѣ самого Вильгельма Гогенцоллерна. Да мы за сорокъ верстъ къ линіи огня не приближались... Шутка ли!

— Опоили?

Какъ ни плохо было ей, она отвернулась, прыснула въ копыто и потомъ, запрокинувъ голову, стала ржать надо мной — не скажу: какъ лошадь, потому что сравненіе это въ данномъ случаѣ совсѣмъ неумѣстно.

— Опоили?! Меня-то? Кхе-кхе!.. Ничего болѣе ядовитаго, болѣе насмѣшливаго ты не могъ бы сказать... Опоили! Да я и умираю-то отъ жажды! Умираю, потому что уже нѣсколько мѣсяцевъ принципиально ничего не пила. Умираю, потому что довѣрчива ужъ я очень.

— Что ты тамъ бормочешь о принципахъ! — недовольно проворчалъ я. — Еще того не доставало, чтобы у какой-то несчастной лошади были свои принципы!

Она чувствовала себя такъ плохо, что даже не обидѣлась.

— Слушай... — шепнула она мнѣ на ухо, съ трудомъ приподнимая голову.

— Ну?

— Я что-то хочу у тебя спросить...

— Ладно. Спрашивай.

— Ты не обидишься?

— Ну, да Богъ съ тобой. Говори.

— Послушай... Правда, что у васъ, у людей, есть выраженіе: «вретъ, какъ сивый меринъ»?

Избѣгая ея пытливаго взгляда, я отвернулся и, найдя на землѣ какую-то чахлую соломинку, сталъ обкусывать ее.

— Правда?

— Ну... правда.

— Такъ смотри же, голубчикъ: я сивая?

— Пожалуй, что и такъ.

— Меринъ я, чортъ возьми, или что я такое?

— Не безъ этого, — неопредѣленно отвѣчалъ я, дѣлая видъ, что съ аппетитомъ доѣдаю соломинку.

— Прекрасно. Значитъ, мы можемъ непреложно установить, что я именно и есть сивый меринъ?

— Ошибка тутъ едва ли возможна.

И опрокинувшись на спину и скрестивъ ноги на груди въ порывѣ возмущенія, спросила лошадь съ нечеловѣческой ироніей въ голосѣ:

— Значитъ, по-вашему, я идеаль вранья? Значитъ, смыслъ и цѣль моей жизни только въ томъ, чтобы врать?!

— Тебѣ не хорошо, — попытался я деликатно замаять разговоръ. — Вредно волноваться.

Она усмѣхнулась.

— Какая разница? Вѣдь я, все равно, черезъ нѣсколько минутъ протяну ноги. Надѣюсь, что хотя я и сивый меринъ, но *этому-то ты повѣришь?*..

Она была слишкомъ умна для лошади. Мнѣ сталъ представляться совершенно съ иной стороны поступокъ того римскаго императора, который посадилъ лошадь въ сенатъ, въ качествѣ предсѣдателя.

Что касается моей лошади, то сейчасъ нельзя было разобратъ — смѣется она или кашляетъ.

— Что съ тобой?

— «Вретъ, какъ сивый меринъ»... Уморить вы меня хотите отъ смѣху. Скажи ты мнѣ теперь вотъ что: когда императоръ даетъ какое-нибудь слово, — можно ему вѣрить?

— Безусловно! — горячо вскричалъ я.

— Вотъ такъ же думалъ и я — глупый сивый меринъ!.. Увы!.. Это будетъ стоить мнѣ жизни.

— Да что съ тобой?!

— Я умираю отъ жажды!

— Почему?! Вѣдь вонъ же недалеко рѣчка.

Она насмѣшливо оскалила зубы и взглянула на меня съ непередаваемымъ выраженіемъ.

— Какая?

— Что какая? Рѣчка? А чортъ ее знаетъ. Ее даже на двухверстной картѣ нѣтъ.

— То-то и оно. А мнѣ, братецъ ты мой, Нева нужна!

— Еще чего выдумай.

Она съ трудомъ приподнялась на сгибѣ передней ноги и посмотрѣла честными глазами въ мои глаза.

— Послушай! Если десять мѣсяцевъ тому назадъ императоръ Германіи выходитъ вдругъ передъ фронтомъ, держа меня подъ уздцы, и говоритъ громогласно, такъ что всѣ слышатъ и я слышу: «Солдаты! Я васъ приведу въ Парижъ! Даю вамъ слово. Не пройдетъ и двухъ недѣль, какъ я буду поить свою лошадь водою Сены!» — должна я этому вѣрить или нѣтъ?

— Гм... Конечно, если онъ при всѣхъ даетъ слово...

— То-то и оно. Жду я честно и аккуратно двѣ недѣли, просыпаюсь утречкомъ ровно черезъ двѣ недѣли и что же! Начинаютъ поить меня — знаете изъ чего? Изъ ведра около какого-то деревенскаго колодца! Какъ я ни фыркала, ни отворачивалась, ни лягала конюха, это животное все-таки вкатило мнѣ всю порцію. Смолчала я. Затаила обиду. «Нечего сказать, думаю. Сами говорятъ: «вретъ, какъ сивый меринъ», а сами-то...»

— Ну? Дальше!

— Хорошо-съ. Проходитъ нѣкоторое время... Однажды смотрю опять: тащитъ меня по шаблону подъ уздцы, опять рѣчь, опять: «Солдаты! Мы идемъ на Калѣ, а оттуда прямая дорога на Англію! Не пройдетъ и трехъ недѣль, какъ я буду поить свою лошадь водой изъ Темзы». — «Ладно, думаю, слышали». Однако, ты знаешь, сказалъ онъ это такимъ тономъ, что я даже въ сомнѣніе пришла. Все-таки, думаю, императоръ. Не будетъ же онъ врать, какъ... (снова ея голосъ зазвучалъ убійственнымъ сарказмомъ) какъ сивый меринъ!

— Вамъ нельзя волноваться, — мягко напомнилъ я.

Она отмахнулась хвостомъ, какъ отъ овода.

— Отстань. Ну-съ... Такъ что же ты думаешь? Проходитъ три недѣли, проходитъ четыре недѣли, — хоть бы капелька темзинской воды у меня во рту была! Опять надуль. Два мѣсяца тому назадъ вдругъ опять хватается меня подъ уздцы, тащитъ куда-то. Сразу догадалась я, въ чемъ дѣло: опять врать ведетъ. И удивительная вещь: почему онъ безъ меня врать не могъ? Почему, когда онъ начиналъ врать, обязательно нужно меня подъ уздцы дер-

жать? Вдохновляла я его, что ли? Или думалъ онъ втихомолку все на меня свалить? Рядомъ, молъ, стояли — неизвестно, кто изъ насъ двухъ говорилъ. Прямо поразительный человѣкъ... Какъ врать, такъ меня за шиворотъ, — лучшей ему компаніи не надо.

— Что же онъ въ третій разъ обѣщаль?

— Изъ Невы поить. «Ровно, говоритъ, черезъ пятьдесятъ дней буду свою лошадь изъ Невы поить». Тутъ, знаешь, даже мнѣ за него стыдно сдѣлалось... Ладно, думаю, всякое дѣло до трехъ разъ дѣлается. Если и въ третій разъ совершь — издохну, а докажу, что у меня свои принципы есть, не гогенцоллерновскимъ чета! Подожду пятьдесятъ дней, а тамъ или невскую воду буду пить, или никакую не буду пить!..

— Ну, и что же?

— Ты самъ видишь... Полторы недѣли тому назадъ пятьдесятъ дней минуло... И вотъ... я...

Мнѣ стало жаль эту глупую, довѣрчивую лошадь. Я попробовалъ ее урезонить.

— У насъ невская вода не хорошая. Съ вибрионами.

— Для меня принципъ важнѣе вибриона!

— И потомъ не виноватъ же Вильгельмъ, что русскіе не пустили его въ Петроградъ.

— Не обѣщай!

— А ты знаешь, что?... Попробуй теперь сдать въ плѣнь: можетъ, тогда и напьешься невской воды.

— Не хочу. Компромиссъ.

Помолчавъ, вспыхнула вдругъ ярко, какъ догорающая свѣча.

— Послушай! Неужели ты не понимаешь? Если мой императоръ вретъ, какъ сивый меринъ, то дай возможность его сивому мерину сдержать свое слово по-императорски!..

И, закативъ выпуклые глаза, испустило духъ бѣдное до-вѣрчивое, благородное существо.

Сдержало слово.

Арк. Аверченко.

Рис. Б. Грибова.

ДОСАДНАЯ ПОДРОБНОСТЬ.

— Съ мужчинами я поступаю, прямо-таки, безчеловѣчно: увлеку его, вскружу голову, а потомъ бросаю съ ребенкомъ на рукахъ. Жаль только одно — что руки-то мои!

ЗНАМЕНИТЫЕ УЧЕНИКИ.

Рис. Ре-ми.

Наполеонъ: — Я долго, Тальма, училъ королей кланяться мнѣ на полѣ битвы, теперь научите меня кланяться имъ на пріемѣ во дворцѣ.

Карманникъ: — Великолѣпно, гениально! Этогъ жестъ, кронпринцъ, у васъ выходитъ даже лучше, чѣмъ у короля берлинскихъ карманниковъ. Мнѣ у васъ надо учиться, а не вамъ у меня.

Карузо: — Бросьте пѣть, Бюловъ! Человѣкъ, который пустилъ пѣтуха передъ римскими орлами, не можетъ надѣяться на хорошій ангажементъ!

Султанъ: — Научите бѣгать, Аллахомъ прошу!
Бѣгунъ: — Условія не подходятъ!
Султанъ: — Милый, ну, далеко ли до Малой Азіи!? Выручи! Ученикъ-то я очень талантливый!

ПРИЯТНЫЙ СОБЕСЪДНИКЪ.

(Набросокъ жемлю.)

Мысли — какъ трамвайные билетки,
Жалкія, отъ станціи до станціи.
Говоритъ онъ много объ эстетикѣ,
О Бодлерѣ, Ницше и субстанціи.

Весь такой онъ чуткій и мистическій,
Весь такой онъ нѣжный и лирический.
Не люблю его я органически,
Я при немъ страдаю истерически.

Сколько онъ со мной ни разговаривалъ,
Сколько ни прикладывалъ старанія, —
Никогда его не переваривалъ
И на то имѣю основанія.

Я смотрю: за черепной коробкою
Этой тли природою положена
Смѣсь трухи съ изжеванною пробкою
И какой-то слизью переложена.

Ничего другого. Ни горѣнія,
Ни сердечныхъ взрывовъ, ни сомнѣнія,
Ни тоски, ни страсти, ни мученія...
Человѣкъ? Нѣтъ: недоразумѣніе.

Отъ портного — брюки съ заворотами,
Отъ брошюръ — солидные сужденія,
Отъ кого-то — фразы съ оборотами,
Отъ себя — лишь ужасъ вырожденія.

Лучше жить пустыми небылицами,
Углубиться въ мерзость запустѣнія,
Чѣмъ возиться съ этими мокрицами...

Плюнь на нихъ — хоть въ этомъ утѣшеніе...

Арк. Буховъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Ихъ будущее.

Баянь пишетъ въ „Русскомъ Словѣ“ вѣщія слова:

Германія наказана тамъ, гдѣ она грѣшила. Нѣмецкую технику собьетъ техника, а вызвавшая войну нѣмецкая интеллигенція отъ войны же и гибнетъ. Если даже допустить побѣду Германіи, — побѣда эта будетъ для нея горше пораженія: надъ Европой восторжествуетъ горсть оскотинившихся солдатъ. Этихъ солдатъ отпускаютъ теперь на 15 дней по домамъ для подготовки „призыва 1935 года“ (французская шутка). На мѣсто завядшаго цвѣта германизма родится поколѣніе, зачатое въ крови и звѣрствѣ. Въ Германіи теперь сплетаются руки, привыкшія душить; сливаются уста, запекшіяся отъ проклятья.

Когда появится на свѣтъ новое германское поколѣніе, — больше всего работы будетъ парикмахерамъ и зубнымъ врачамъ, потому что родятся малютки обросшими шерстью съ двумя длинными клыками, торчащими изо рта...

Когда все поставлено на карточку...

Германія переживаетъ тяжелую внутреннюю драму: скотовъ въ странѣ много, а скота мало... Вотъ что сообщаютъ изъ Копенгагена:

По порученію кайзера, германскіе профессора привели въ извѣстность имѣющіеся въ Германіи запасы скота и подсчитали, что для второго года войны нѣмцамъ не хватитъ мяса.

Въ виду этого, профессора теперь же рекомендуютъ сократить потребленіе мяса и ввести особая „мясныя карточки“, по подобію „хлѣбныхъ карточекъ“

А тамъ пойдутъ овощныя карточки, соляныя и горчичныя.

И будетъ тогда у германцевъ обѣдъ à la carte: когда карточекъ много, а ѣсть нечего.

Приспособляемость.

Иронія судьбы: у нѣмцевъ скоро совсѣмъ не будетъ съѣдобнаго матеріала, а итальянцы даже быковъ обращаютъ въ боевой матеріалъ:

Изъ Рима сообщаютъ объ оригинальномъ способѣ, къ которому прибѣгли итальянцы, чтобы прорвать проволочныя загражденія при атакѣ укрѣпленія Монте-Корадо. Они погнали на загражденія большое стадо быковъ, предварительно напугавъ ихъ взрывами бомбъ. Обезумѣвшіе быки ринулись впередъ и своими рогами расчистили дорогу пѣхотѣ.

Прежніе гуси, спасшіе въ свое время Римъ, выросли и, претерпѣвъ рядъ эволюцій, превратились въ быковъ...

Цифры.

„Matin“ даетъ такія характерныя цифры почтовой статистики:

Въ теченіе мая французскіе плѣнные въ Германіи получили черезъ Швейцарію 2.084,175 писемъ и 1.192,179 посылокъ.

За тотъ же мѣсяць плѣнные нѣмцы во Франціи получили 2.944,775 писемъ и всего 232,332 посылки.

Такимъ образомъ, въ теченіе мѣсяца нѣмецкіе плѣнные во Франціи получили на 860 тысячъ больше писемъ, чѣмъ плѣнные французы въ Германіи. Наоборотъ, посылокъ изъ дому французы получили почти на 960 тысячъ больше, чѣмъ плѣнные нѣмцы.

— Можно ли найти, — восклицаетъ французская газета, — болѣе краснорѣчивое доказательство разницы въ положеніи плѣнныхъ, содержащихся у насъ и въ Германіи?!

Очевидно, трудолюбивые, но экономные нѣмцы разсуждаютъ такъ: „Лучше я пошлю своему Гансу десять писемъ, чѣмъ одну посылку“.

Тѣмъ болѣе, что французъ онъ накормитъ.

Своя своихъ не познаша.

Нѣмецкая артиллерія иногда загорается пылкой симпатіей къ русской артиллеріи и безо всякаго повода взвливаетъ на себя часть ея работы:

Вблизи Млавы нѣмецкіе артиллеристы весьма удачно обстрѣливали собственный, нѣмецкій аэропланъ, который они ошибочно приняли за русскій. Аэропланъ довольно поздно въ сумерки мчался по направленію въ Праснышъ. Летчики вмѣстѣ съ машиной упали, и приблизившіеся къ нимъ нѣмцы увидѣли только безформенную массу.

Русскіе солдатики во время учебныхъ занятій получали иногда серебряныя часы „за отличную стрѣльбу“...

Что получаютъ за отличную стрѣльбу нѣмецкіе артиллеристы — пока неизвѣстно.

Въ чемъ дѣло?

Въ „Русскомъ Словѣ“ напечатаны удивительныя, совершенно непонятныя строки:

ЛЮБЛИНЪ, 20, VI. Люблинскимъ губернаторомъ опубликовано въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ слѣдующее:

„Довожу до всеобщаго свѣдѣнія населенія губерніи, что, по собраннымъ свѣдѣніямъ, нѣмцы объявили населенію занятыхъ ими мѣстностей объ обязательномъ предоставленіи въ распоряженіе нѣмецкихъ властей изъ каждыхъ пяти сноповъ сжатого хлѣба четырехъ. Только пятый снопъ населенію разрѣшено оставить себѣ. Самая жатва хлѣба можетъ производиться только съ разрѣшенія нѣмцевъ“.

Вотъ и все.

Мы понимаемъ, когда нѣмцы объявляютъ населенію свои обязательныя постановленія... Но зачѣмъ, спрашивается, русскій губернаторъ распубликуываетъ это постановленіе въ русскихъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ — для насъ это таинственно и чудно.

„Причуды страсти“.

Помните, года два тому назадъ петроградскіе рецензенты, захлебываясь отъ восторга, писали объ опереткѣ Вилинскаго и Дьяковой „Причуды страсти“. И прошла эта оперетка не то сто разъ, не то тысячу разъ — не важно.

А важно то, что пишутъ объ этой же опереткѣ „Одесскія Новости“:

Ужасающій, небывалый спектакль.

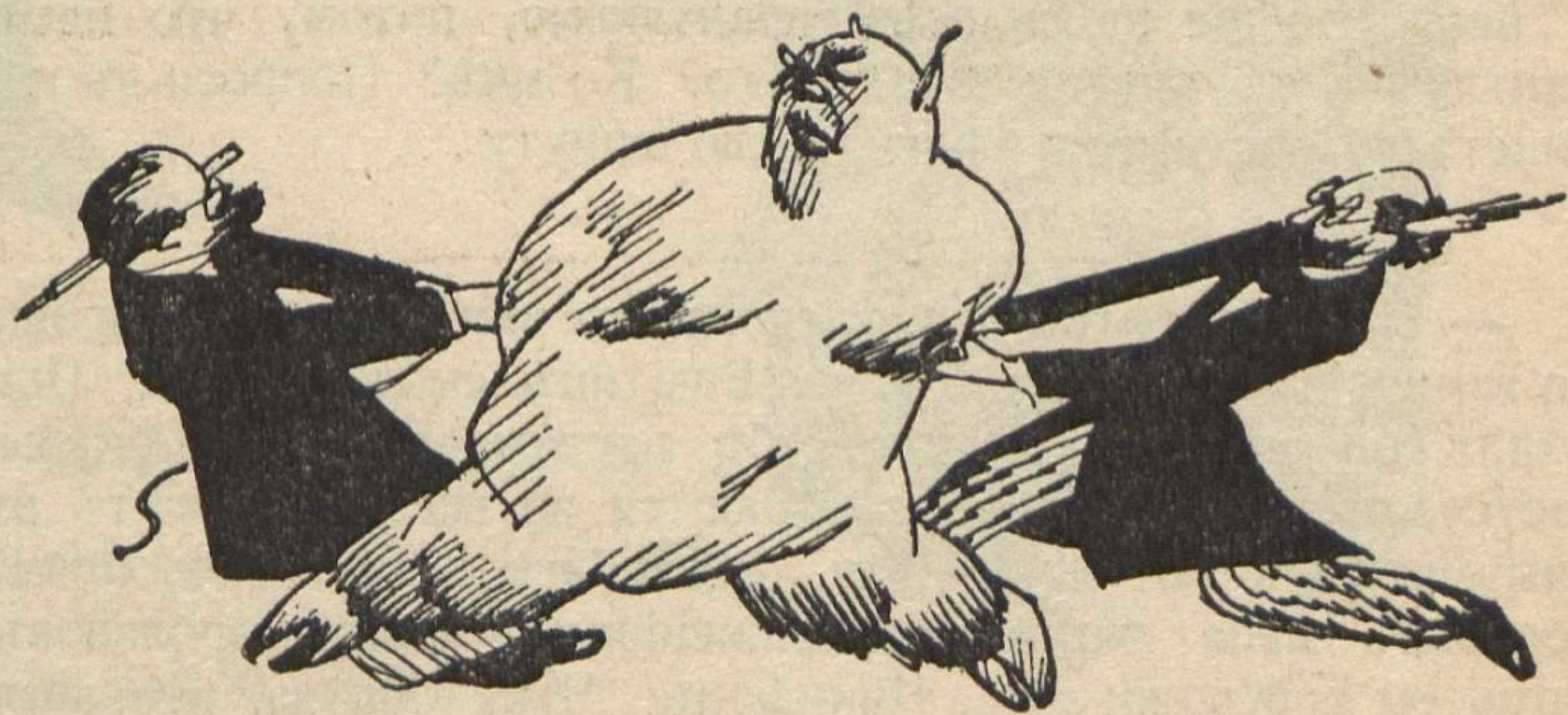
Быть можетъ, это не патриотично, но, право, эта русская оперетта на текстъ какой-то г-жи Дьяковой — чудовищна по нелѣпости, бессмысленности и скукѣ.

Въ общемъ — скучный, печальный спектакль.

И Петроградъ смотрѣлъ и слушалъ эту стряпню цѣлый сезонъ!

Бываютъ же такіе курьезы!

Можно подумать, что одесскій рецензентъ рѣшилъ жить по системѣ доктора Таннера, что питается онъ лишь фіалками и луннымъ свѣтомъ и что всякій бутербродъ становится ем, поперекъ горла.

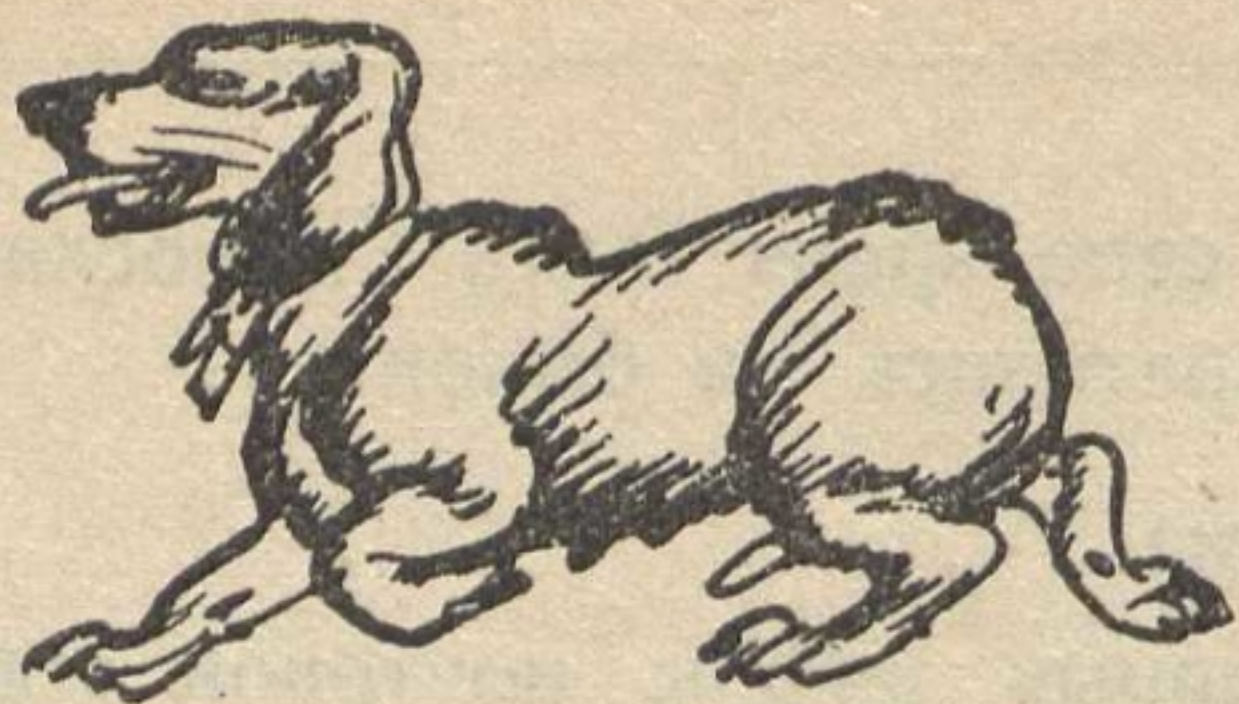

Рис. В. Лебедева.

МАРКЪ ТВЭНЪ.

— А вот и Оля. Знакомьтесь, господа: жена моя, Ольга Николаевна, а это товарищ по гимназии, Никифоръ Лукичъ Енютинъ, сынъ дьякона. Можешь себѣ представить, три года учились вмѣстѣ, и я никакъ не могу его вспомнить... Говорить, что онъ сынъ дьякона, а кто его знаетъ. Я шучу, шучу... — Гонораровъ обнялъ Енютина. — Да, братъ, нехорошо, недѣлю живешь въ Питерѣ и только сегодня вздумалъ навѣстить стараго товарища. А главное — сегодня уѣзжаешь... Пожилъ бы у насъ недѣльки двѣ...

— Можно и три... — засмѣялась Ольга Николаевна.

— Благодарствую. Я уже говорилъ вашему супругу, что купилъ вчера на городской станціи билетъ безъ пересадки до самой Тихорѣцкой. Я, мадамъ, проживаю въ Кубанской области, въ станицѣ, куда и выѣзжаю сегодня въ 10 часовъ 35 минутъ вечера съ ускореннымъ поѣздомъ. Такое удобство — эти ускоренные поѣзда!..

— Страшно удобны, — сказала Ольга Николаевна.

— Да, они такъ удобны, — согласился Гонораровъ. — Ну, вы потолкуйте тутъ, а я пойду, напишу до обѣда, у меня срочная работа. Ты, Никифоръ, расскажи женѣ о войнѣ. Можешь себѣ представить, живетъ человѣкъ въ глуши, въ камышахъ, а въ курсѣ дѣла... Детально во всемъ разбирается. И такіе оригинальные взгляды на все... Вотъ расскажи ей, расскажи!

Гонораровъ подмигнувъ женѣ и ушелъ въ кабинетъ.

Енютинъ посмотрѣлъ на свой правый сапогъ и сказалъ:

— Такъ это неожиданно война началась... Никто не ожидалъ...

— Да...

— Нѣмцы никакъ не ожидали, что выступитъ Англія. А Италия возьми и воздержись... Ну, затѣмъ къ намъ прикнута Японія, къ нимъ нашъ исконный врагъ Турція... Теперь много разговору о проливахъ. Безъ нихъ мы не можемъ выйти къ морю...

Гонораровъ захохоталъ въ кабинетѣ. Ольга Николаевна хихикнула и, оттолкнувъ ногою мопса, сказала:

— Противная собака, туфли грызетъ... Пошелъ вонъ!.. А тотъ тамъ хохочетъ, радъ, что она грызетъ... Да... Такъ вы, значитъ, учились съ мужемъ?..

— Мы шли вмѣстѣ до третьяго класса, а потомъ я вышла по семейнымъ обстоятельствамъ изъ гимназіи и...

— Простите, телефонъ звонитъ... Это меня...

* * *

— Ёшь, ёшь, братъ!.. А то пріѣдешь въ свою станицу и будешь жаловаться, что въ Питерѣ тебя голодомъ морили.

— Благодарствую. Хотѣлъ я тебя спросить вотъ о чемъ: говорятъ, здѣсь есть гостиница, гдѣ писатели столуются.

— Есть. А что?

— Да хотѣлось мнѣ посмотрѣть на писателей...

— Что жъ, это можно. Мы черезъ полчаса отпра- вимся въ кафе, тамъ всегда наши толкуются; я тебя познакомлю... Ты кого жъ хотѣлъ бы видѣть?

— Да которые покрупнѣй вообще... Антонъ Чеховъ скончался?

— Скончался. Толстой тоже скончался.

— Я знаю. Въ Ясной Полянѣ похороненъ. Геній русскій! Да... Такъ я хотѣлъ бы посмотрѣть хоть на Леонида Андреева. Также замѣчательно пишетъ...

— Ну, Андреева въ кафе не будетъ, онъ не въ кафе, онъ въ Финляндіи. А другихъ покажу. Есть много талантливыхъ. У насъ вообще здѣсь всѣ талантливые, потому что неталантливые, тѣ, знаешь ли... Что? Ко мнѣ? Попроси въ кабинетъ! Прости, голубчикъ, я сію минуту...

* * *

— Позвольте, господа, представить вамъ моего товарища по гимназии: Никифоръ Лукичъ Енютинъ, сынъ дьякона. Пріѣхалъ съ мѣстѣ. Можете себѣ представить, они, оказывается, прекрасно тамъ разбираются во всемъ. Живутъ въ камышахъ, а въ курсѣ дѣла. Вотъ онъ, напримѣръ, прямо поразилъ меня своими соображеніями насчетъ проливовъ. Вотъ ты расскажи имъ, Никифоръ! Что? Да, да, это вотъ то самое кафе. Ты чего хочешь? Здѣсь очень вкусно кофе,

замороженное въ графинѣ. Хочешь попробовать? Хорошо, я закажу. А ты имъ о проливахъ подпусти! Они вѣдь кромѣ стиховъ ничего не читаютъ; поэты самый легкомысленный народъ...

— Да, такъ я, собственно говоря, насчетъ того, что началось все это такъ неожиданно. Никто не ожидалъ... Германія, конечно, не рассчитывала на выступленіе Англіи. А тутъ Италия объявила нейтралитетъ. Ну, потомъ Японія, нашъ недавній врагъ, объявила, что за насъ; а Турція къ нимъ пристала... И теперь всѣ взгляды устремлены на проливы, безъ которыхъ намъ нѣтъ выхода къ морю...

— Каково! — воскликнулъ Гонораровъ, обводя всѣхъ восхищеннымъ взглядомъ. — Вотъ тебѣ и провинція! Нѣ-ѣ-ѣтъ, господа, тамъ, на мѣстахъ, теперь уже не то, что было 40—50 лѣтъ тому назадъ...

— Еще бы!.. — хоромъ сказали лохматые поэты.

* * *

Гонораровъ писалъ, когда раздался звонокъ, долгій, настойчивый...

— Какая это скотина такъ звонитъ?.. — съ раздраженіемъ подумалъ Гонораровъ.

Въ передней послышались голоса, шарканье ногъ, стукъ...

Гонораровъ распахнулъ дверь въ переднюю.

— Никифоръ?! Ты не уѣхалъ?..

Въ передней стоялъ красный, озабоченный Енютинъ и слѣдилъ за дворниками, которые втаскивали чемоданы, корзины, свертки...

— Не уѣхалъ, остался; рѣшилъ доставить тебѣ удовольствіе, — отвѣтилъ Енютинъ.

— А к... к... какъ же б... б... билетъ?.. — заикаясь спросилъ поблѣднѣвшій Гонораровъ.

— Устроилъ! — весело сказалъ Енютинъ. — Разговорился въ гостиницѣ съ сосѣдомъ, а ему до зарѣзу нужно сегодня выѣхать въ Ростовъ, а билетъ не достать. Ну, я ему и уступилъ свой. Даже разницу скинулъ: мой-то до Тихорѣцкой, на три рубля дороже. Да... Поживу у тебя недѣльку, а больше не могу, и не проси, семья ждетъ...

Гонораровъ зашатался и схватился за вѣшалку.

— Ха-ха-ха... — истерически засмѣялся онъ. — В... в... вотъ и отлично, отлично... Устраивайся въ моемъ кабинетѣ, а я сейчасъ...

Гонораровъ бросился къ женѣ.

— Ни за что! — нервно сказала Ольга Николаевна. — Я заболѣю, если онъ хоть одинъ день проживетъ у насъ. Слышишь!..

— Но, Оля!.. Вѣдь неловко же...

— Не надо было приглашать!.. — крикнула Ольга Николаевна.

— Тсс... Не волнуйся! Вѣдь я жъ его пригласилъ уже послѣ того, какъ онъ купилъ билетъ. А кромѣ того... и ты его приглашала. Я на двѣ недѣли, а ты на три... — съ улыбкою сказалъ Гонораровъ.

— Я шутила...

— Я тоже шутилъ... Ну, теперь не время пререкаться. Надо дѣйствовать. Я позвоню Кириллу. Никифоръ можетъ у него ночевать. А днемъ мы будемъ его гонять по музеямъ. Ольга Николаевна повеселѣла.

— Только сейчасъ же позвони!

— Хорошо, хорошо...

Гонораровъ сбѣжалъ къ телефону на лѣстницѣ и позвонилъ.

— Кирилль, ты?

— Я. Что скажешь?

— Здравствуй, голубчикъ! Понимаешь, ко мнѣ пріѣхалъ съ юга старый товарищъ. Интереснѣйшій собесѣдникъ, страшно остроуменъ, прямо Маркъ Твэнъ!.. Да... А положить его негдѣ; квартира у насъ, самъ знаешь, маленькая. Въ гостиницу гнать неловко... Прямо не знаю, какъ и быть...

— Вотъ чудакъ! Такъ тащи его къ намъ! У насъ одна комната совершенно свободна. Страшно будемъ рады. Я обожаю остроумныхъ людей. Къ тому же жена хандритъ, онъ и ее развлечетъ. Притаскивай своего Марка Твэна!..

— Спасибо, милый! Онъ пріѣдетъ ночевать.

— Да, ты его сейчасъ привози, какъ разъ къ ужину...

— Хорошо. Ну, пока до свиданья...

Гонораровъ вошелъ въ кабинетъ и сказалъ Енютину:

— Я сейчасъ говорилъ по телефону съ пріятелемъ и онъ, узнавъ, что ты съ юга, умолялъ привезти тебя къ нему. Онъ обожаетъ югъ. Милый, простой парень... Кирилломъ зовутъ, у него жена Варя. Знаешь, что? Поѣзжай сейчасъ къ нимъ! Я бы тоже поѣхалъ, да срочная работа... А ты и заночуешь тамъ. У насъ, признаться, негдѣ положить тебя...

— Что жъ, я съ удовольствіемъ; только какъ-то неловко являться къ незнакомому одному...

— Чепуха. Ъзжай къ нимъ такъ же, какъ вотъ ко мнѣ пріѣхалъ. Одѣвайся и маршь! Малая Подъяческая, 12, квартира Штаневичъ. Одѣвайся же! Просили къ ужину... А завтра съ утра отправляйся въ музей Императора Александра III.

— Я уже былъ.

— Это ничего не значить. Тамъ есть такія картины, передъ которыми можно часами простаивать. Вотъ стань передъ такой картиной и стой! Изучай ее, впитывай въ себя краски!.. Обѣдай у Кирилла. А къ восьми забѣгай ко мнѣ; поѣдемъ на собраніе кассы взаимопомощи. Очень интересно: будутъ детально обсуждаться 6 и 7 §§ новаго устава.

Енютинъ ушелъ.

А черезъ часъ Гонорарова позвали къ телефону. Звонилъ Кириллъ.

— Что за идиотская шутка... — началъ съ раздраженіемъ Кириллъ. — Этотъ кретинъ съ серьезнымъ видомъ рассказываетъ намъ, за кого турки, за кого японцы... У меня адски разболѣлась голова, съ женой истерика... Ради Бога, избавь ты насъ отъ своего Марка Твэна. Пошутить — и довольно.

— Умоляю тебя, — сказалъ дрожащимъ голосомъ Гонораровъ, — позволь ему переночевать у васъ эту ночь, только эту, завтра я заберу его...

— Но я его уже не могу видѣть...

— А ты сошлись на головную боль, ложись въ постель и читай. Ты вѣдь, кромѣ газетъ, ничего не читаешь, вотъ и почитай; это пріятно... Совѣтую тебѣ прочесть «Пѣснь Пѣсней» Соломона. У тебя есть Библия?

— Есть. Ну, а жена?

— А ей Мопассана дай!

— Ну, ладно! Но только одну ночь...

— Одну, одну. Завтра онъ очиститъ квартиру.

* * *

На вторую ночь Енютинъ устроили у доктора Бубнова. Тоже подъ видомъ Марка Твэна.

И снова черезъ часъ затрещалъ телефонъ.

— Слушаю, — сказалъ Гонораровъ.

— Убери Марка Твэна! — прохрипѣлъ пьяный Бубновъ.

— Послушай, Сергѣй...

— Убери сію же минуту, иначе я не ручаюсь за себя...

— Хорошо. Черезъ полчаса я буду у тебя.

— Если ты опоздаешь хоть на минуту, я выброшу его черезъ балконную дверь, она у насъ не замаскирована...

* * *

Гонораровъ стоялъ у телефона и говорилъ плачущимъ голосомъ:

— Ты умница, ты человекъ съ сильной волей и мой другъ... Ради Бога, помоги мнѣ. Я теряю голову жена съ утра хохочетъ, какъ сова...

— Хорошо, пришли его ко мнѣ!

Гонораровъ отправилъ Енютинъ къ геологу Алмазову и съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ ждать телефонный звонокъ.

Изъ комнаты жены доносились то всхлипываніе, то смѣхъ. Пахло уксусомъ, эфиромъ... На душѣ была смертельная тоска...

* * *

Когда Енютинъ рассказалъ, кто за кого, и погоревалъ о проливахъ, Алмазовъ спросилъ:

— Гдѣ вы живете постоянно?

— Въ Кубанской области, станція Тихорѣцкая...

— Богатѣйшій край! Жаль только, что тамъ часты землетрясенія...

— Землетрясенія?.. — съ удивленіемъ спросилъ Енютинъ. — Ни разу не было...

— А позавчера?..

— Что позавчера?..

— Развѣ вы не читали?..

— Нѣтъ... — сказалъ Енютинъ, блѣднѣя.

— Страшное землетрясеніе!.. И какъ разъ въ вашихъ мѣстахъ. Сотни изуродованныхъ, убитыхъ...

— Я ѣ... ѣ... ѣду... Сейчасъ же, съ первымъ поѣздомъ... Ради Бога не удерживайте меня!..

— Я провожу васъ.

* * *

Переговоривъ съ Алмазовымъ по телефону, Гонораровъ вошелъ въ комнату жены. Она лежала на кровати и стонала.

— Оля! — тихо позвалъ Гонораровъ.

— А?.. Что?.. Маркъ Твэнь вернулся? Ха-ха-ха...

— Успокойся, дѣтка! Онъ уѣхалъ на свою Кубань...

— Съ ускореннымъ поѣздомъ? Ха-ха-ха... Удивительно удобны эти ускоренные поѣзда... Ха-ха-ха... Нѣтъ, я не могу, не могу больше... Какая мука... Не пускайте его ко мнѣ, не пускайте... Онъ о проливахъ будетъ говорить. «А Италия возьми и воздержись»... Ха-ха-ха... Маркъ Твэнь!.. Величайшій юмористъ Маркъ Твэнь!..

Гонораровъ опустилсѣ на колѣни у кровати и сказалъ, цѣлуя руку жены:

— Олечка, дорогая моя, повѣрь мнѣ: его уже нѣтъ. Онъ уѣхалъ. Честное слово. Съ товаро-пассажирскимъ уѣхалъ. А вещи его я завтра отправлю большою скоростью...

Ольга Николаевна приподнялась на локтѣхъ и спросила:

— Съ товаро-пассажирскимъ, говоришь?

— Да.

— Удивительно милый, добрый поѣздъ...

— Да, да, моя радость, мое счастье!..

— Милый, милый поѣздъ. Если я его когда-нибудь встрѣчу, — я крѣпко пожму его рукоятку и поцѣлую какой-нибудь винтикъ...

В. Черній.

СЛАБАЯ НАДЕЖДА.

Прस्ताвъ: — Розыгрышъ лотереи оконченъ! Прошу очистить залъ!

— Батюшка, а что же это мой билетикъ-то?

СЛАВА ГАМАКУ.

I.

РЕДАКТОРЪ (прочитавъ рукопись).

«Все розовато
Водичей залито...
Въ корзину бросить ли?
Оставить на лѣто? —

Тогда изъяны всѣ
(О солнце лѣтнее!)
И недоступнѣе,
И незамѣтнѣе!

Пусть въ «лѣтней» повѣсти
Шаблонна фабула, —
Погода ясная
Лишь бы тогда была!

Коль въ гамакѣ лежитъ
Читатель млѣющій
И у него — журналъ,
Весъ въ солнцѣ рдѣющій, —

Пусть будутъ авторы
Отнюдь не богами, —
Тогда до стилия ли?
Тогда до слога ли?

Гамакъ баюкаетъ!
Мои читатели,
Суровымъ критикомъ
Быть лѣтомъ кстати ли?»

II.

О лѣто красное!
Теки, теки, теки
Вдали отъ скептиковъ,
Вдали отъ критики!

Ручьями бурными
И вверху, и внизъ теки —
Внѣ философіи,
Внѣ публицистики!.. —

Межъ двухъ дубовъ гамакъ
Ты изъ шелковъ сплети.
Вѣдь всѣ къ нему лежатъ
Читательницъ пути!

Какъ въ паутины сѣтъ
Янтарную пчелу, —
Ты привлеки въ гамакъ
Лили или Лулу...
Когда въ ихъ сердцѣ — «май»,
Когда въ душѣ — «іюнь», —
Журналъ имъ въ руки дай,
Имъ книжку въ руки дай,
Качни сквозной гамакъ...
И что бы ни прочли, —
Въ восторгъ всегда придутъ
Лулу или Лили!... —
«Какъ этотъ чудень томъ!»
«Какъ авторъ даровитъ!»
Немудрено: кругомъ —
Такъ живописень видъ!..

О дьявольская сѣтъ,
Источникъ лѣтнихъ благъ,
Какъ мнѣ тебя не пѣтъ,
Гамакъ, гамакъ, гамакъ!..

Михаилъ Пустынинъ.

У Л Ы Б К А.

1.

Мирно почивалъ Алексѣй Ивановичъ Батуринъ, когда весеннее солнце нащупало запыленное окно его комнаты, ворвалось въ нее и всю залило яркимъ свѣтомъ. Хлынуло потоками на обтрепанную мебель, на грязныя обои, на несвѣжую постель, закружило столбы радужной пыли и весело заплясало на морщинистомъ, давно небритомъ лицѣ.

Батуринъ поморщился, пожевалъ блѣдными губами, зажмурился глаза и съ трудомъ раскрылъ слипшіяся вѣки.

Зѣвнулъ, посмотрѣлъ на часы и сердито замѣтилъ:

— И безъ него бы всталъ... И чего безъ спросу брызжется — не понимаю!

А когда откашливался, свѣсивъ худыя ноги съ постели, въ головѣ ползали неодобрительныя мысли:

«А все потому, что весна... Каждый годъ тебѣ весна, а какой отъ нея толкъ — неизвѣстно. Рожи у всѣхъ противныя, радостныя, всѣ ждуть чего-то, а чего — сами не знаютъ... Смотрѣть тошно. Самое, могу сказать, мошенническое время, а всѣ кричатъ: «весна, весна!» — дурачье!»...

Весну Батуринъ давно уже не долюбиваетъ и очень не лестнаго о ней мнѣнія. А когда весеннее томленіе, по старой привычкѣ, пробуетъ пробраться въ его недовѣрчивую душу, Алексѣй Ивановичъ становится раздражителенъ и золь.

Завязывая передъ зеркаломъ галстукъ, Батуринъ долго брезгливо всматривался въ свое лицо: глаза еще тусклѣе, лицо еще желтѣе и морщинистѣе, сѣдина еще рѣзче въ такой весенній солнечный день...

И лысина сверкаетъ во всю. Не хорошо. Криво усмѣхнулся: «такая лысина, что зайчики отъ нея на стѣнѣ играютъ. Вишь, старость пощечинъ надавала!.. На кой чортъ, скажите на милость, мнѣ ваша весна!.. И моложе былъ, всегда надувала: наобщаетъ и ничего не дастъ, бывало... А теперь и подавно. Простуду развѣ лишній разъ схватишь».

Батуринъ отвернулся отъ зеркала и, полуоткрывъ дверь, крикнулъ дребезжащимъ старческимъ голосомъ:

— Дарья, самоваръ!..

2.

Вошла Дарья съ тусклымъ самоваромъ, поставила его на столъ. Пока Батуринъ заваривалъ чай, она постояла, подбоченившись, у двери и вдругъ заулыбалась.

Скуластыя щеки Дарьи стали очень похожи на пару ани-совокъ, а сѣрые глаза засвѣтились, словно съ нихъ сдунули пепель.

Не утерпѣла:

— Да вы бы оконце, баринъ, распахнули!.. Благодать на дворѣ-то, теплынь!

А затѣмъ вздохнула и добавила:

— Вотъ и весны дождались, слава тебѣ, Господи!..

Батуринъ отхлебнулъ чаю, сердито взглянулъ на прислугу и отвѣтилъ:

— Ну, и дура. Ве-есна!.. Обрадовалась, деревня!.. А того не понимаешь, что вѣсны эти отъ неблагоустройства природы.

Дарья посмотрѣла на Алексѣя Ивановича недовѣрчиво и махнула рукой:

— Скажутъ этакое... несуразное! Шутники...

Батуринъ окончательно разсердился:

— Сами всѣ вы несуразные. Говорю тебѣ, что отъ неблагоустройства природы. Какія ужъ шутки! По-настоящему, милая, надо бы спросить сначала, кому что нужно, тогда было бы все какъ слѣдуетъ: получай всякій человѣкъ согласно желанію... По справедливости надо бы: пусть каждый по своему вкусу избираетъ время года. Нужна тебѣ, къ примѣру, весна, — пожалуйста!.. А вотъ, ежели я желаю осени, на что мнѣ тогда твоя весна? Поняла?

Батуринъ въ волненіи стукнулъ кулакомъ по столу.

— По-моему, вотъ какъ: «Госпожа природа, желаю, чтобы осень!..» И сейчасъ тебѣ: «Пожалуйста, Алексѣй Ивановичъ, получайте!.. Самая, что ни на есть свѣжая осень...» Вотъ это я понимаю. А то зарядили: благодать!.. Дурачье!.. А у меня, можетъ быть, вотъ гдѣ ваша весна сидитъ!

Батуринъ всталъ въ волненіи изъ-за стола и провелъ дрожащей рукой по горлу.

Дарья незамѣтно выскользнула изъ комнаты и пошла громыхать посудой на кухню.

3.

Вышелъ Батуринъ на улицу совсѣмъ раздраженный. Бѣхатъ въ контору далеко, цѣлый день щелкай на счетахъ — мало веселаго, а тутъ еще трамваи переполнены.

Стоялъ у остановки, глядѣлъ на оживленныя лица и негодовалъ.

— Прорвало!.. Безобразіе сплошное. Раствленіе нравовъ. Смотрѣть тошно: рожи у всѣхъ противныя, улыбаются, словно нивѣсть какое счастье у каждого... Ждите, голубчики, ждите!.. Ничего не дождетесь. Намъ это хорошо извѣстно.

ГИМНЪ ЗДОРОВЬЮ.

Среди тонконогихъ, жидкихъ кровью,
Съ трудомъ поворачивая шею бычью,
На сытый праздникъ тучному здоровью
Людей изъ мяса я зычно кличу!

Чтобъ бѣшеной пляской землю овить,
Скучную, какъ банка консервовъ,
Давайте весеннихъ бабочекъ ловить
Сѣтью ненужныхъ нервовъ.

И по камнямъ острымъ, какъ глаза ораторовъ,
Красавцы — отцы здоровыхъ томовъ,
Потащимъ мордами умныхъ психіатровъ
И бросимъ за рѣшетки сумасшедшихъ домовъ.

А сами сквозь городъ, изсохшій, какъ Онанія,
Съ толпой фонарей желтолицыхъ, какъ скопцы,
Голодныхъ самокъ накормимъ желанія,
Поросшіе шерстью красавцы-самцы.

Вл. Маяковскій.

Пропустивъ два вагона, Батуриный съ трудомъ вскарабкался на площадку третьяго. Стоялъ, притиснутый къ стѣнкѣ: съ боковъ давили, а сзади кто-то горячо дышалъ въ затылокъ. Неодобрительно осматрѣвъ Батуриный вагонъ и брезгливо взглянулъ поверхъ очковъ на пассажировъ.

И вдругъ вздрогнулъ:

Молоденькая, хорошенькая дѣвушка глядѣла на него и улыбалась.

Безъ сомнѣнія, ему. И манила къ себѣ глазами, и общала счастье.

Такъ ясно говорили голубые глаза: «Вотъ освободится мѣсто, садись рядомъ со мной... А я уже люблю тебя и сейчасъ».

Батурина обожгла эта улыбка и затуманила мозгъ. Мгновенно забылось все: старость, раздраженіе, ненависть къ веснѣ... Все растаяло, какъ сахаръ въ кипяткѣ.

Сердце замерло на мгновение и словно забилось, какъ парусъ подъ порывомъ свѣжаго вѣтра.

На щекахъ заиграла слабый румянецъ, по нервамъ прошелъ горячій, острый токъ, дыханіе участилось, и все тѣло стало напряженнымъ.

Батуриный выпрямился, слегка приподнял шляпу, провель рукой по запотѣвшей лысинѣ и улыбнулся въ отвѣтъ.

Трамвай замедлилъ ходъ; мѣсто, рядомъ съ дѣвушкой, освободилось, но Батуриный не успѣлъ войти въ вагонъ.

Пассажиръ, горячо дышавшій Батурина въ затылокъ, грубо оттолкнулъ его локтемъ и протиснулся въ вагонъ.

И Батуриный услышалъ звонкій голосъ дѣвушки:

— Да скорѣе, Костя, какой ты, право, неповоротливый!.. Скорѣе, а то опять займутъ мѣсто!..

Юный стройный реалистъ, съ розовыми щеками, съ легкимъ пушкомъ на верхней губѣ, улыбаясь, сѣлъ рядомъ съ дѣвушкой.

Они весело защебетали, какъ задорные воробы, и рука реалиста прикасалась къ рукѣ дѣвушки.

Дѣвушка сияющими глазами смотрѣла на сосѣда, а реалистъ улыбался снисходительно и мягко, какъ старшіе улыбаются, глядя на хорошенькаго ребенка.

Батуриный сразу осунулся; словно острая игла кольнула его въ сердце, и жгучій стыдъ охватилъ его: за улыбку, за поклонъ, за то, что разогнулъ спину.

Но, убѣдившись, что никто ничего не замѣтилъ, Батуриный быстро успокоился. Успокоился на мгновение, — безсильная острая злоба охватила его.

— Чортъ знаетъ, что такое!.. Улыбается черезъ весь вагонъ, а вѣдь совсѣмъ еще дѣвчонка! А эпотъ хамъ дышалъ мнѣ въ затылокъ, какъ паровозъ... Безобразіе!

И Батуриный обратился къ сосѣду съ портфелемъ:

— Нѣтъ, что ни говорите, а молодежь нынче омерзительна. Вѣдь вотъ этотъ дылда, реалистъ, чуть было съ ногъ меня не сбиль. Претъ въ вагонъ, хамъ, а нѣтъ, чтобы старшимъ мѣсто уступить.

А когда Батуриный выходилъ на остановкѣ изъ вагона, онъ не утерпѣлъ и замѣтилъ вагоновожатому:

— Не торопись!.. Успѣешь. Сойти не дадутъ, негодяи. Такъ и рады челоуѣка искалѣчить... Сплошное безобразіе... Развратъ!..

И только въ конторѣ вспыхнуло отвращеніе къ себѣ за свою улыбку-гримасу.

К. Милль (Полярный).

Рис. Миссэ.

ДЕШЕВАЯ КУХНЯ.

— Милая, что ты хочешь: розу или бифштексъ съ картофелемъ?

— Ну, розу-то я могу взять, понюхать и сейчас же вернуть обратно, а бифштексъ...

— Ну, знаешь ли, здѣсь такъ кормятъ, что и съ бифштексомъ ты можешь сдѣлать то же самое.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

У журнала такъ же, какъ и у людей, наступаетъ тотъ періодъ, когда журналъ впадаетъ въ дѣтство...

Вотъ острога „Будильника“, сообщающаго въ заголовкѣ, что онъ издается 51-й годъ:

„— Папаша, мнѣнло происходитъ отъ слова мѣна?

— Да... впрочемъ, нѣтъ... скорѣе отъ слова Менелай“.

Если бы такую вещь сочинилъ человѣкъ, а не что-нибудь другое, можно было бы сказать: за человѣка страшно.

„Петрогр. Газета“ продолжаетъ щеголять сногшибательными военными шарадами:

„Предлогъ одинъ — начало...

Второе — рабъ труда,

Но въ бой не назначало —

Начальство никогда;

Онъ на рѣкъ, что третьимъ,

Не встрѣтитъ въ поляхъ,

А у Днѣпра мы встрѣтимъ...

Кричатъ враги „Аллахъ!“,

Во все уткнувшись тѣломъ,

Покончивъ съ ратнымъ дѣломъ“.

Во что уткнулся тѣломъ авторъ, сочиняя эту шараду, — Аллахъ его вѣдаетъ.

*

Нѣтъ, положительно, поэты нашихъ дней — самые практичные люди! Въ старину поэты бѣдствовали, такъ какъ продавали издаваемыя только свои стихотворенія.

Валерій Брюсовъ, отбивая хлѣбъ у будущихъ брюсовіанцевъ, въ недавно вышедшихъ томахъ III и IV, пишетъ:

„И юноша скользнулъ къ постели.

Она, покорная, ждала...“.

Въ прежнемъ изданіи это мѣсто читалось иначе:

„Вошелъ къ ней юноша... И встрѣчи

Она, покорная, ждала“.

А въ рукописи Валерія Брюсова значилось:

„И юноша вошелъ безвѣстный...

Она, покорная, ждала“.

Какъ не сказать послѣ этого:

„Мзду тянутъ нашихъ дней Virgiliu и Данты

Не только за стихи въ честь дорогой Инфанты,

Но и за къ тѣмъ стихамъ хвалебнымъ варианты!..“

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Зосѣ Павлецкой, г. К. С., Архипу Козьявину. — Не подошло.

Б. Москва.

Саперный, 8. — Маститому. — „Напечатавъ меня, исполните мое самое затаенное желаніе“...

У всякаго человѣка есть свое затаенное желаніе. А попробуй мы вамъ высказать наше затаенное желаніе — конечно, обидитесь.

Кстати, приводимъ двѣ фразы изъ вашего разсказа:

„Вы уѣзжаете?“ Онъ промолчалъ и только отрицательно покачалъ глазами.

„Они ѣхали рядомъ... „Ваша лошадь несется, — закричала ему Евгенія. Онъ очнулся: „Простите, я и не замѣтилъ“.

Когда курица несется — конечно, можно и не замѣтить. Но если то же самое происходитъ съ лошадыю, — всякій пытливыи чловѣкъ долженъ отнестись къ этому съ большимъ интересомъ. Въ крайнемъ случаѣ, онъ можетъ удивленно покачать глазами.

Б. Н. Н. (автору „Деревенскіе ученые“).—Разсказываетъ авторъ: „Проходя, я видѣлъ осинь и кленовъ, которые привѣтливо и радостно кланялись мнѣ, протягивая вѣтки“...

Обрадовались, очевидно, что встрѣтили товарища по умѣнію владѣть слогомъ.

В. Провинція.

Кіевъ. — Баяну. Витебскъ. — М. Нилтиму. — Не подошло. Славянскъ-Курортъ. — Е. Милину. — Къ сожалѣнію, не подошло.

Васѣ Бѣлому. — Къ сожалѣнію, не подошло. Рыбинскъ. — Сахарову — Гладко, музыкально, но, къ сожалѣнію, неграмотно. Нельзя писать: „Лучи затихнули“. Харьковъ. — г. Сол. — Не подошло.

Гомель. — Либкелю. — Рисунки слабы.

Казань. — Бочкареву. — Тоже.

Изъ дѣйствующей арміи. — Асолину. — Сплошь и рядомъ въ разсказѣ можно натолкнуться на такія фразы (разсказъ юмористическій):

„Населеніе этнографически ассимилировалось съ пришлымъ элементомъ“.

„Кабатчикъ старался координировать свои поступки съ общимъ modus'омъ“.

— Къ чему такія слова, Антоша? — какъ говорить городничиха у Гоголя,

Кіевъ. — И. Д. Урну.

„Ямщикъ, натяни свои вожди (?),

А то вѣдь пріѣдемъ мы позже“.

Никуда вы вообще не пріѣдете съ такими стихами.

Ямщику дайте на чай и отпустите. Не нуженъ онъ вамъ. А сами поступайте куда-нибудь на службу.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к. на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ноч.

4 Юля 1915.

ЛѢТНІЙ ТЕАТРЪ НА СТ. КУОККАЛА, ФИН. Ж. Д.

Музыкально-литературный

„БѢЛЫЙ ВЕЧЕРЪ“,

устройстваемъ **В. И. РЪПИНОЙ**

въ пользу Лазарета Дѣятелей Искусства.

Участвуютъ: И. Е. РЪПИНЪ, Арт. Имп. театровъ А. Ц. ПУНИ, Арт. Имп. театровъ Л. Н. ШУВАЛОВА, В. И. РЪПИНА, К. И. ЧУКОВСКІЙ, поэтъ-футуристъ ВЛ. МЯКОВСКІЙ.

Режиссеръ „Бѣлаго Вечера“ **Н. Н. ЕВРЕИНОВЪ.**

ЖИВОПИСЬ—ЛѢПКА—МЕТАЛЛОПЛАСТИКА—ИЗЯЩНЫЯ РЕМЕСЛА.

Живопись акварелью — 40 к. Живопись маслян. краск. — 80 к. Живопись по фарфору — 50 к. Живопись брызгами — 20 к. Лѣпить какъ выучиться — 50 к. Инкрустація и мозаика 30 к. Интарсія — 30 к. Художественное выжиганіе — 60 к. Плетеніе кружевъ — 35 к. Металлопластика — 50 к. Работы изъ перьевъ — 20 к. Тисненіе и живопись по кожѣ — 30 к. Изгот. искусств. цвѣтовъ — 50 к. Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к., вкл. плат. на 10 к. дороже. При заказѣ на 3 р. пересылка бесплатно. Подл. на ал. высылается даромъ.

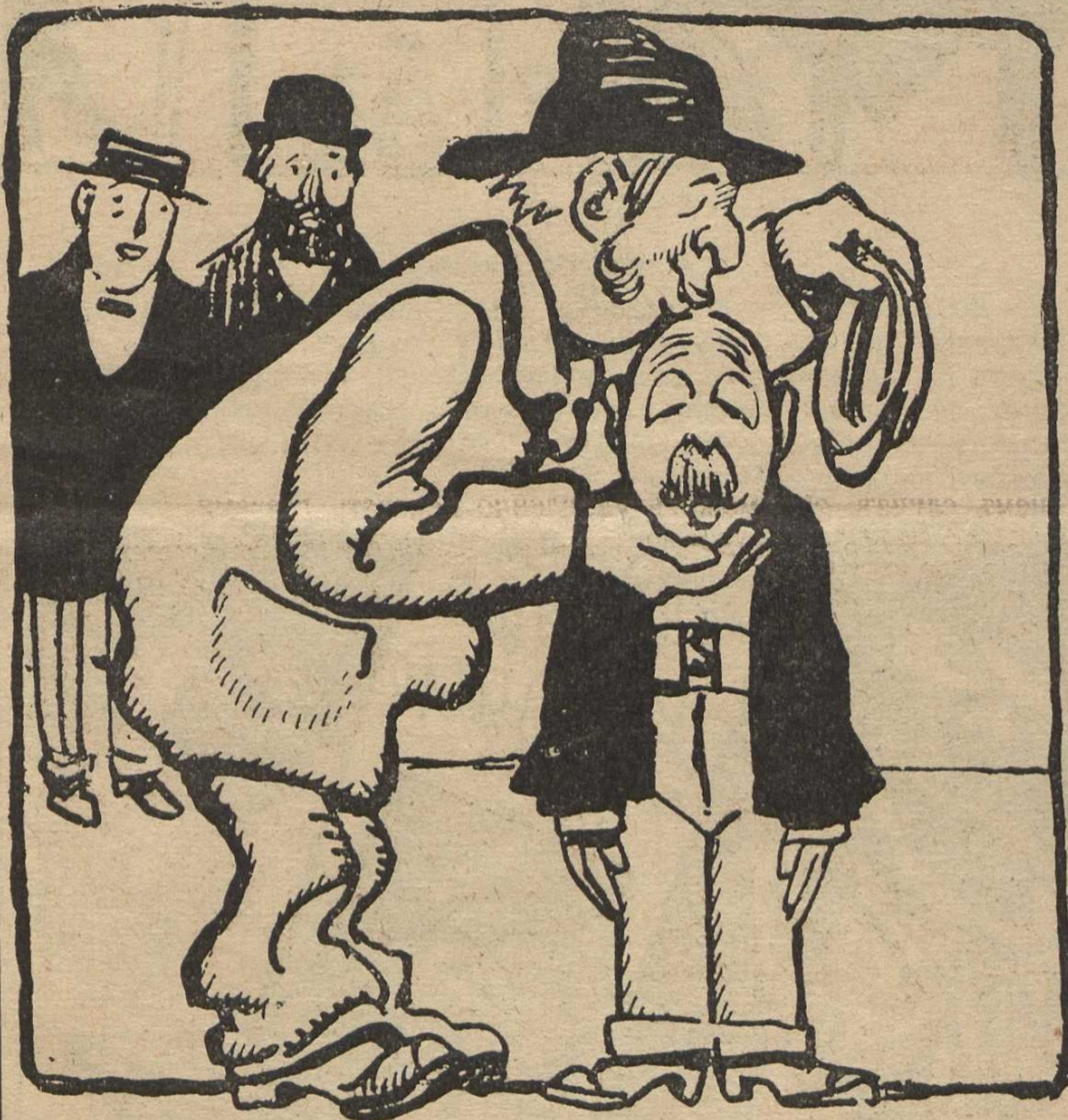
Высылаеть Технической книжный складъ М. ПЕТРОВА.

Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 19. ☆ Москва, Волхонка, 1 уч. Знаменки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Съ тяжелымъ сердцемъ уѣхали мы съ Мифасовымъ, оставивъ за своей спиной эту странную пару...
(Изъ иллюстрацій въ книгѣ.)

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу
новое изданіе книги:

А. Аверченко.

САТИРИКОНЦЫ

ВЪ ЕВРОПѢ.

Иллюстраціи А. Радакова.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

7-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

КРУГИ ПО ВОДѢ.

16-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

ВОЛЧЬИ ЯМЫ.

Цѣна 50 коп.

ЕОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

6-е изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

НИЧЕГО ПОДОБНАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

И СТАЛО ТАКЪ.

6-е изданіе. — Ц. 1 р. 25 к.

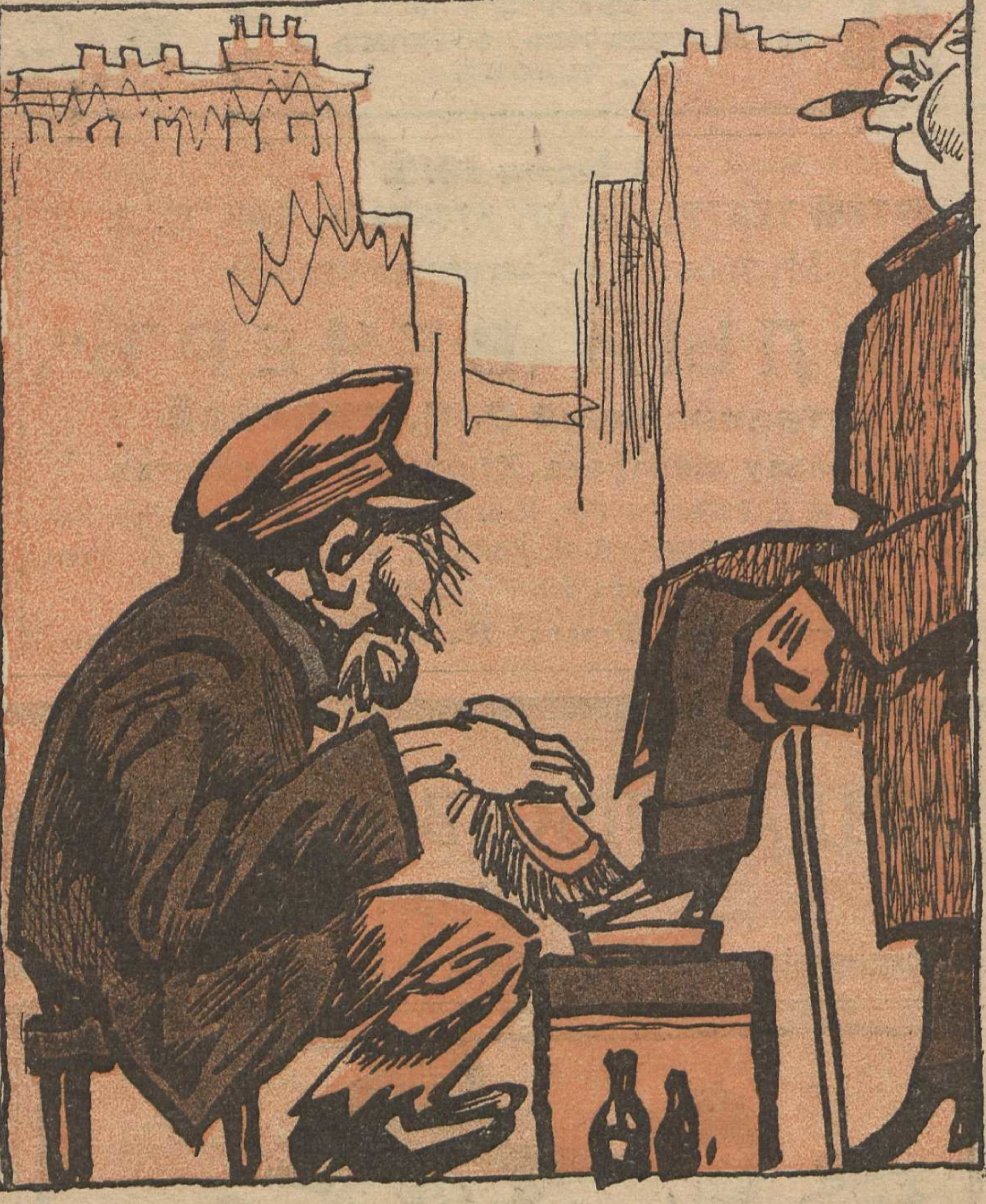
КАРУСЕЛЬ.

3-е изданіе. * Цѣна 1 р. 25 к.

45 мм
 «Ленкнига»
 Магазин № 30
 п. № 108302/104

СТАРОСТЬ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Рис. А. Радакова.

„Новое Время“.

— Эй, купи, красавица! Хорошая собака была, а теперь даже мнѣ, поношенному гороховому пальто, не годится... Чутье потеряла, слѣдъ путаетъ, брешетъ, блохъ много...
 — А ну ее!.. Мѣсяцъ въ ней публикуюсь, — хучь бы кто пришелъ, — совсѣмъ нестоящая собаченка...

„Прусское Знамя“.

Доѣвъ послѣднюю субсидію, полученную изъ союзной чайной, покланчивъ и поплакавъ безъ толку у разныхъ парадныхъ поль-ѣздовъ (эхъ, времена-то какъ перемѣнились!), пойдетъ, солнцемъ палимое, въ далекій Берлинъ, займется тамъ дѣломъ нужнымъ. — Эхъ старость, старость!.. Было время, когда я зубы чистилъ; теперь этажомъ ниже переѣхалъ..

„Колоколь“.

Пройдя путь многотрудный, достигнуть старости тихой, мирной, превратившись въ колокольчикъ его превосходительства. Спокойно, хорошо, уютъ, а ругнуть — не услышу: оглохъ я отъ звона-то.

„Синій Журнал“.

Выгнанный изъ послѣдней пивной за нечистоплотность и вранье, замѣнить репортерское проворство ногъ, проворствомъ рукъ!.. — Эй, подписывайтесь на журналъ! Каждый стотысячный подписчикъ получитъ великолѣпную дохлую кошку и рецептъ, какъ сдѣлать изъ ея шкуры воротникъ! Ново, ново! Слѣшите, пока кошка не совсѣмъ испортилась...